

6+

КАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ПШОНКА

Путешествие Елизаветы

ЛЕГЕНДА ПАРЯЩИХ ЗЕМЕЛЬ.
ДОБРАЯ ФЭНТЕЗИ-СКАЗКА

Катерина Пшонка
Путешествие Елизаветы.
Легенда парящих земель.
Добрая фэнтези-сказка

<https://litres.ru/74156118>

ISBN 9785007027601

Аннотация

В мире Парящих Земель, где над бездной парят целые королевства, маленькая девочка Елизавета отправляется в опасное путешествие, чтобы доставить загадочное письмо в далёкий Норден — землю вечного снега.

На её пути встретятся живые леса, огненные земли, удивительные существа и испытания, которые проверят её смелость, доброту и силу сердца.

Это волшебная история о том, как даже самое маленькое сердце может изменить целый мир.

Содержание

Путешествие	5
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Путешествие Елизаветы Легенда парящих земель. Добрая фэнтези-сказка

**Катерина
Сергеевна Пшонка**

© Катерина Сергеевна Пшонка, 2026

ISBN 978-5-0070-2760-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие Елизаветы Катерина Пшонка Глава 1

Когда-то, в какие-то времена, над бездной висели биомы — огромные парящие земли, словно вырванные из самой души планеты. Они не просто плыли в небе — они медленно дрейфовали, поворачиваясь, как живые, и от этого менялись их тени и цвета.

Каждая земля дышала по-своему: одни мерцали мягким зелёным светом, другие пульсировали огнём, третьи переливались холодным серебром. Иногда между ними пробегали вспышки света, словно они переговаривались между собой на древнем, забытом языке.

Между биомами тянулись невидимые потоки — ветра, наполненные магией. Они переносили запахи, звуки и даже отголоски мыслей. Если прислушаться, можно было услышать далёкий смех, пение или шёпот существ, живущих на других землях.

Наверху, высоко над облаками, стояли два великих королевства — Закон и Норден. Они были противоположны друг другу, как жизнь и покой, тепло и холод.

Между ними, как золотая подвеска на небесной цепи, парило королевство Даная — сияющее, словно кусочек солнца, застывший в воздухе. Оно будто удерживало равновесие между светом и тьмой, между ростом и покоем.

Из Даная, словно из сердца небес, свисали океаны — прозрачные, живые. Их воды не просто падали вниз: они текли медленно, изгибаясь в воздухе, как светящиеся ленты.

Иногда в этих потоках вспыхивали искры — будто сама вода помнила звёзды. Водопады срывались в бездну и исчезали в тумане, но не бесследно: там, где их капли касались нижних биомов, рождались реки, леса и сама жизнь. Говорили, что каждая капля несёт в себе память Даная.

Под небесными королевствами простирались три малых мира: Вандклип, Фоеглад и Егурема. Они были ближе к бездне, и потому казались более дикими, более настоящими, словно в них было меньше порядка и больше самой природы.

Каждый из них жил по своим законам, со своим дыханием, своим ритмом — и каждый был отдельной историей, полной тайн, испытаний и древних сил.

Вакон — мир зелени и древних тайн.

Вакон — старейшее из королевств, стоящее на ветрах, словно замок в облаках. Его башни пронзали небеса, теряясь в белых потоках облаков, а вокруг них постоянно гуляли тёплые ветра, наполненные запахом листвы и дождя.

Иногда над королевством гремели грозы, но это не было чем-то страшным — маги Вакона умели разговаривать с громом, и молнии отвечали им, как старые друзья, освещая небо мягким, живым светом.

Главным сердцем Вакона был лес Чучоу — древний, как сама жизнь. Его деревья тянулись к облакам, исчезая в густом зелёном тумане, словно их вершины принадлежали уже другому миру.

Стволы были такими широкими, что внутри некоторых из них могли бы поместиться целые дома, а корни, переплетаясь, образовывали живые дороги и укрытия.

Никто не знал, проклят он или благословлён: одни говорили, что там спит дух мира, другие — что именно там начинается конец всего сущего.

Воздух в Чучоу был плотным и тёплым, наполненным тихим шёпотом. Листья никогда не молчали — даже в безветрии они едва слышно шелестели, словно переговаривались друг с другом.

Иногда казалось, что лес наблюдает за каждым, кто входит в него, проверяя, с каким сердцем тот пришёл.

В этом лесу жили мягкие кроты — хранители подземных путей. Они копали глубокие туннели, в которых струился тёплый золотистый свет, будто сама земля светилась изнутри.

Их шерсть была бархатной и тёплой, а янтарные глаза могли видеть даже сквозь камень, различая скрытые тропы и

тайны, спрятанные глубоко под корнями.

Рядом с ними обитали чушки — крошечные существа, похожие на светлячков с прозрачными крылышками и мягкими телами. Их свет был нежным, почти живым, и менялся в зависимости от настроения.

Чушки любили садиться на спины кротов, освещая им путь в тёмных туннелях, и вместе они создавали удивительное единство — свет и земля, движение и покой.

Иногда ночью можно было увидеть, как десятки чушек поднимаются в воздух, превращая лес в мерцающее море огней. В такие моменты казалось, что сам Чучоу дышит светом.

И вместе они охраняли этот древний лес, где каждая ветвь пела от ветра, каждая тропа хранила память, а сама земля жила своей тихой, глубокой жизнью.

Даная — золотое сердце небес.

Над всеми сияло королевство Даная — золотое, переливающееся изумрудными и алыми огнями, словно в самом небе застыло живое солнце. Оно не просто светило — оно пульсировало мягким, тёплым сиянием, которое разливалось по облакам и окрашивало их в тонкие оттенки золота и розового рассвета.

Даная всегда казалось ближе к свету, чем к земле, будто оно существовало между мирами.

Его дворцы были построены из металлов, неизвестных другим землям. Они не отражали свет, как обычное золото — они его принимали и меняли, превращая в мягкие пере­ливы, которые двигались по стенам, словно живые узоры.

Башни дворцов не имели резких линий — они плавно из­гибались, как выросшие из света формы, и казалось, что са­ми здания дышат вместе с небом.

Воздух в Даная был особенным: он был лёгким, почти невесомым, и в нём постоянно витали искры света — кро­шечные частицы, похожие на пыль звёзд. Когда они касались кожи, оставалось ощущение тепла и спокойствия, будто сам мир не мог причинить здесь вреда.

Из Даная, словно из сердца небес, свисали океаны — про­зрачные, живые. Их воды не падали резко, а текли в возду­хе медленными потоками, изгибаясь и переплетаясь, как се­ребряные ленты.

Иногда внутри них вспыхивали мягкие всполохи света — словно память звёзд, застывшая в воде.

Они стекали вниз, превращаясь в водопады, что падали в пустоту и растворялись в тумане. Но это исчезновение бы­ло лишь внешним: там, где вода касалась нижних биомов, начиналась новая жизнь — рождались реки, леса и дыхание земли.

Говорили, что каждая капля несёт в себе частицу Даная и его древнюю силу.

И сама сила эта была не разрушительной, а светлой — спо-

собной направлять свет, менять его форму и даже пробуждать скрытые вещи, которые спали в мире.

Здесь жили кибри — мягкие, пушистые создания, похожие на смесь лисы и собаки, будто сотканные из облаков и солнечных бликов. Их шерсть была лёгкой, как ветер, а хвосты переливались разными оттенками света, меняясь в зависимости от настроения и песни.

Их глаза искрились, как звёзды, и в них отражалось небо.

Кибри могли скользить по воздуху, словно шагали по невидимым потокам ветра. Они не летали так, как птицы — они будто слушали воздух и позволяли ему нести себя.

Когда кибри собирались вместе и начинали петь свои древние песни, ветер вокруг них менял направление, становился мягче или сильнее, а иногда даже начинал танцевать между дворцами.

Говорили, что в такие моменты сам Даная слушает их и отвечает им светом, который становится ярче, теплее и живее.

Норден — земля холода и молчания.

Норден был противоположностью всему живому теплу — миром снега, льда и бесконечной тишины. Здесь даже ветер не шумел, а будто выдыхал холод, медленно скользя между равнинами. Небо казалось бледным и тяжёлым, как застывшее стекло, через которое едва пробивался свет.

Снег здесь никогда не был одинаковым: где-то он лежал мягкими слоями, как пух, а где-то превращался в острые кристаллы, звенящие под ногами. Лёд покрывал землю не как сезон, а как вечное состояние мира — будто сама природа решила остановиться.

Дворцы изо льда и ветра сияли при луне холодным голубым светом. Их стены были прозрачными, и внутри них можно было видеть движение ветра, будто сам воздух стал частью архитектуры. Башни тянулись вверх тонкими линиями, и казалось, что они не построены, а выросли из замёрзшего дыхания мира.

Жители Нордена были высокими, сильными, закалёнными морозами. Их кожа была холодной на вид, а глаза — ясными и спокойными, как замёрзшие озёра. Они верили, что холод очищает душу, убирая всё лишнее, оставляя только главное.

Но в Нордене произошло то, чего не было больше нигде: исчез язык.

Слова больше не сохраняли смысл — они застывали в воздухе и падали вниз мелкими льдинками. Иногда можно было увидеть, как фраза человека рассыпается прямо в момент произнесения, превращаясь в хрупкий лёд у его ног.

Из-за этого существа перестали понимать друг друга. Даже взгляд стал заменять речь.

Тишина в Нордене была не пустой — она была плотной, почти осязаемой, как ещё один слой мира. В ней можно было

потеряться так же легко, как в метели.

Здесь жили снежные зайцы — быстрые и осторожные существа, почти сливающиеся со снегом. Они двигались бесшумно, оставляя лишь лёгкие следы, которые тут же исчезали под ветром.

И здесь же жили нагуты — огромные звери, похожие на медведей, с густым белым мехом и глазами цвета льда. Их взгляд был тяжёлым и холодным, и даже самые смелые старались не встречаться с ними.

Они считались самыми опасными существами в мире, но в то же время — частью равновесия Нордена. Их шаги оставляли глубокие следы в снегу, которые долго не исчезали, будто сама земля помнила их.

Люди Нордена охотились на нагутов, создавая из их шкур меха — символ силы и защиты от стужи. Эти меха были не просто одеждой: они были границей между жизнью и вечным холодом.

И в этом мире тишины, льда и белого ветра всё существовало будто на грани исчезновения — но всё ещё жило, подчиняясь законам холода, которые не прощали слабости.

Вандклип — земля глубин и памяти.

Вандклип был землёй огромных ям, каменных уступов и гигантских деревьев. Здесь поверхность никогда не была ровной — она словно постоянно проваливалась внутрь са-

мой себя, образуя бесконечный лабиринт расщелин, тёмных проходов и скрытых уровней.

Свет сюда попадал редко и всегда ломался о края камней, превращаясь в мягкие, размытые полосы, которые лишь подчёркивали глубину тьмы.

Воздух Вандклипа был прохладным и влажным, с лёгким запахом земли и камня. Казалось, что сам мир здесь старше остальных и помнит то, что давно забыто наверху.

В глубинах жили мягкие, светящиеся звери. Их тела излучали тёплый, рассеянный свет, который не ослеплял, а успокаивал. Они были большие и спокойные, медленно передвигались по подземным полостям, словно сама земля дышала через них. Иногда они замирали, и тогда казалось, что вместе с ними замирает и сам Вандклип, прислушиваясь к чему-то древнему внутри себя.

А среди камней и уступов обитали пирипили — твёрдые насекомые с длинными носами и чешуёй, прочной как сталь. Их движения были точными и выверенными, будто они знали каждый камень ещё до того, как он появился на своём месте.

Их глаза не просто смотрели — они запоминали. Пирипили были хранителями памяти земли: они знали, где проходили старые русла, где обрушивались горы, где спали древние корни.

Говорили, что если пирипиль коснётся камня, он может «услышать» его прошлое.

Рядом с ними жили мягкие зайцы, скрывающиеся в глубинах ям — тихие, осторожные и миролюбивые. Они двигались почти бесшумно, как тени между камнями, и выбирали самые тёплые, защищённые места, где земля была мягче.

Эти зайцы не вмешивались в дела других существ, но знали все безопасные тропы Вандклипа и могли чувствовать, где почва стабильна, а где скрывается пустота.

Иногда все жители Вандклипа собирались в одних и тех же глубоких залах, где стены были покрыты древними узорами корней. В такие моменты казалось, что сама земля вспоминает себя — и тихо, без слов, рассказывает свою историю тем, кто умеет слушать.

Фоеглад — царство вечного пламени.

Фоеглад был миром огня, где вулканы никогда не отдыхали, а земля жила в постоянном дыхании жара. Здесь почва не остывала ни на мгновение: она трескалась, плавилась и снова застывала, будто сама природа не могла выбрать между разрушением и созданием.

Воздух дрожал от тепла, и даже тишина здесь звучала иначе — как низкий гул, идущий из глубины земли.

Земля Фоеглада была чёрной, как уголь, но в её трещинах постоянно светились красные и оранжевые жилы лавы. Небо над этим миром не было привычным — оно переливалось тяжёлыми оттенками огня, будто отражало всё, что происхо-

дило вниз. Иногда там вспыхивали облака пепла, закрывая свет и снова открывая его, как дыхание огромного живого существа.

В этом биоме жили галвы — великаны из угольков и пепла. Их тела не были плотными, как у обычных существ: они выглядели как собранные воедино части огня и камня, удерживаемые силой внутреннего жара.

Их кожа мягко светилась изнутри, будто в ней всегда тлели угли, а глаза напоминали раскалённые камни, в которых отражались огненные потоки мира.

Каждое их движение было медленным и тяжёлым, но в нём чувствовалась огромная сила. Когда галв поднимал ногу, земля под ним трескалась и застывала в новом рельефе — так рождались холмы и горы.

Фоеглад не был просто разрушением: он постоянно менял форму, и галвы были частью этого вечного преобразования.

Галвы были молчаливыми. Они не нуждались в словах, потому что огонь внутри земли говорил за них. Их мысли текли вместе с лавой, и только она знала их полностью.

Иногда можно было увидеть, как они стоят неподвижно у потоков расплавленной породы, словно слушают её. И в такие моменты казалось, что сама лава отвечает им — медленными вспышками света и движения.

Они считали пламя не стихией, а дыханием мира. Для них огонь был не разрушением, а сердцем, которое не перестаёт биться. И пока это сердце горит — мир существует.

Егурема — тихие Горы Тамы.

Егурема была самой маленькой, но самой уютной землёй во всём нижнем мире. Её называли Горами Тамы, и даже само это имя звучало мягко, как тёплый ветер над травой.

Здесь не было резких линий и опасных обрывов — всё было плавным: холмы медленно поднимались и так же мягко опускались, словно земля сама дышала спокойствием.

Воздух в Егуреме всегда был тёплым и чистым. Он пах полевыми цветами, влажной землёй после дождя и сладким соком трав. Ветер не шумел резко — он проходил через долины, как тихая песня, касаясь листьев и заставляя их едва слышно звенеть.

Ручьи текли медленно и прозрачно, отражая небо и облака так чётко, что иногда казалось, будто в воде живёт второе, перевёрнутое королевство. По вечерам они светились мягким серебром, и их звук напоминал спокойное дыхание мира.

В этих долинах жили евры — крупные, добрые существа, в которых смешались черты енота, крота и собаки. Их тела были крепкими, но движения — мягкими и спокойными, как у тех, кто никогда не спешит без причины.

Их шерсть была густой и тёплой, а глаза — внимательные и добрые, будто они всегда замечали, если кому-то нужна помощь.

Евры строили норы и целые деревни, спрятанные среди холмов и корней деревьев. Эти жилища не разрушали природу, а становились её частью: стены были украшены цветами, мхом и мягкими травами, которые росли прямо в постройках.

Иногда их дома больше походили на живые холмы, чем на строения — настолько гармонично они сливались с землёй.

Они всегда приходили на помощь другим, даже если сами были заняты или устали. В Егуреме считали, что доброта — это не выбор, а естественный закон мира, как течение воды или рост травы.

По вечерам евры собирались на открытых полянах, где мягкий свет заката ложился на холмы золотыми полосами. Они слушали ветер, делились историями и просто были рядом друг с другом, создавая ощущение мира, в котором всё на своём месте.

И именно поэтому Егурему считали не просто землёй — а сердцем спокойствия всего мира биомов.

Мир биомов жил в равновесии. Это равновесие не было неподвижным — оно постоянно двигалось, как дыхание, незаметное, но обязательное для всего живого.

Мягкие и твёрдые, горячие и холодные, светлые и тёмные существа — все они были частью одной великой жизни. И ни одно из них не существовало отдельно: потоки воды из Дая питали земли внизу, тепло Фоеглада поднималось вверх тонкими невидимыми течениями, а холод Нордена замедлял

ветра, чтобы мир не разрушился от слишком быстрого движения.

Каждый биом влиял на другой, даже если они никогда не встречались напрямую. Леса Вакона росли благодаря каплям, прошедшим через небесные океаны. Каменные глубины Вандклипа хранили отголоски древнего тепла. А тихие долины Егуремы удерживали мир в спокойствии, не позволяя ему потерять гармонию.

Существа тоже были связаны между собой, даже если не осознавали этого. Их действия, голоса, шаги и даже сны переходили через границы земель, как тонкие нити, соединяющие весь мир в единую ткань. Где-то рождалась искра жизни, и где-то далеко она находила отклик.

Так мир биомов оставался единым целым — хрупким, но сильным, живым, но древним, и в этой связи заключалась его истинная сила.

Глава 2

В этом мире жила девочка по имени Елизавета. Она родилась в древнем королевстве Вакон — зелёной земле, где сама природа казалась живой и внимательной к каждому дыханию. Здесь деревья не просто росли — они тянулись к небу, как будто стремились коснуться облаков, их стволы были широкими и тёплыми, а корни уходили глубоко в землю, словно хранили память тысяч лет.

Воздух Вакона был особенным — мягким, наполненным светом и тихим шелестом листвы. Иногда казалось, что он едва заметно светится, особенно на рассвете, когда первые лучи солнца скользили по верхушкам деревьев и спускались вниз золотыми нитями.

Жители этой земли были обычного роста и в каждом из них жило большое, открытое сердце. Они умели слышать лес, понимать его настроение, чувствовать перемены ветра и даже угадывать, когда земля шепчет о грядущем. Их дома прятались среди корней деревьев, вплетаясь в природу так гармонично, что отличить их от самого леса можно было только по тёплому свету в окнах.

Елизавета жила на окраине деревни, там, где лес становился особенно густым и древним. Её дом укрывался среди мягких мхов, похожих на зелёные подушки, и огромных корней старых деревьев, переплетённых между собой, слов-

но застывшие волны. Эти корни образовывали естественные своды и проходы, в которых можно было спрятаться от дождя или просто посидеть, слушая, как под землёй движется жизнь.

По утрам, когда лес ещё только просыпался, Елизавета выходила на небольшую поляну рядом с домом. Там капли росы блестели на листьях, как маленькие звёзды, а воздух был прохладным и свежим. Она любила ходить босиком по мягкой траве, чувствовать её тепло и собирать необычные листья — переливающиеся, будто покрытые тонкой пылью света.

Иногда она останавливалась, закрывала глаза и прислушивалась. Под землёй тихо шуршали кроты-хранители, прокладывая свои светящиеся туннели, а где-то рядом мягко звенели чушки, перелетая с ветки на ветку. Лес жил своей жизнью — спокойной, глубокой и полной тайн.

И в этом живом, дышащем мире, среди корней и света, начиналась история девочки с большим сердцем.

Каждое утро Елизавета выходила из своего дома, осторожно ступая по мягкому мху, который пружинил под ногами, словно живой. Лес в это время только просыпался: свет ещё не был ярким, он мягко просачивался сквозь листву, окрашивая всё вокруг в тёплые зелёно-золотые оттенки.

Она шла по знакомой тропинке, едва заметной среди травы и корней, и собирала блестящие листья — тонкие, как шелк, с прожилками, в которых словно тек свет. Некоторые

из них переливались, как капли росы, другие тихо светились, будто хранили в себе кусочек утреннего солнца.

Елизавета любила эти минуты. Она останавливалась, прислушивалась — и слышала, как под землёй живёт лес. Там, глубоко в корнях, мягко шуршали кроты-хранители. Их движение было спокойным и уверенным, словно они знали каждый камень, каждую трещину в земле. Иногда казалось, что их тихое копошение — это само дыхание Вакона.

Над ней, в ветвях, уже начинали просыпаться чушки. Обычно они первыми наполняли тропинку светом и звуком — порхали, как маленькие огоньки, тихо звенели своими крылышками и перекликались между собой, словно смеялись.

Но в то утро... что-то было не так, лес словно затаил дыхание и даже чушки молчали.

Елизавета остановилась. Ветер стих, листья почти не шевелились, и даже подземный шорох стал тише, как будто кто-то попросил весь лес замолчать.

Она сделала несколько осторожных шагов вперёд и вышла на знакомый поворот тропинки — туда, где обычно было больше всего света и звуков.

И там она увидела огромного крота, который сидел прямо посреди тропы.

Он был намного больше обычных хранителей — почти вдвое выше своих сородичей. Его густая шерсть, обычно мягко сияющая, сейчас казалась потускневшей, словно свет

в ней угас. Большие лапы были тяжело опущены на землю, а уши безвольно свисали по бокам головы. Он не двигался и только тихо... плакал.

Слёзы медленно скатывались по его мордочке, теряясь в шерсти и падая на землю, где мох темнел от влаги. Каждый его всхлип звучал глухо и тяжело, будто отзывался где-то глубоко под корнями.

Елизавета почувствовала, как сжалось её сердце.

Она никогда раньше не видела, чтобы хранители леса плакали.

Она медленно подошла ближе, стараясь не напугать его, и тихо остановилась рядом.

Девочка замерла, не сводя глаз с крота. В его большой, чуть дрожащей лапе она заметила письмо — и сразу поняла, что оно не простое. Оно словно само притягивало взгляд. Тонкая бумага мягко светилась, будто внутри неё жил тёплый огонёк, а края были аккуратно запечатаны глубокой золотой печатью. На ней виднелся знак королевства — сияющее солнце с тонкими лучами, расходящимися во все стороны. Такой знак нельзя было спутать ни с чем. Это было письмо от самого Закона.

Сердце Елизаветы чуть быстрее забилося. В их лесу подобные послания появлялись крайне редко. Их приносили только в особых случаях — когда происходило что-то важное, когда требовалась помощь, или когда судьба начинала тихо менять свой ход. Такие письма не попадали в случай-

ные руки. Они всегда находили того, кто должен был выполнить поручение.

Но сейчас письмо было у крота и он... плакал.

Елизавета нахмурилась, чувствуя, как внутри неё поднимается тихое беспокойство. Хранители леса были сильными, спокойными существами. Они знали глубины земли, слышали её дыхание и никогда не терялись перед трудностями. Их трудно было напугать, а тем более — довести до слёз. То, что она видела сейчас, казалось неправильным, словно что-то в самом порядке мира дало трещину.

Она сделала шаг вперёд. Под ногами мягко пружинил мох, почти не издавая звука. Лес вокруг всё ещё оставался необычно тихим, будто наблюдал за происходящим вместе с ней. Даже свет, пробивающийся сквозь листву, казался приглушённым, словно боялся потревожить этот момент.

Девочка снова посмотрела на письмо. От него исходило слабое, но ровное тепло. Оно не пугало — наоборот, в нём чувствовалось что-то важное, значимое... почти живое. Елизавете показалось, что если прислушаться, можно уловить едва заметное биение, как у маленького сердца. Это ощущение только усилило её тревогу.

«Что же в нём такого?...» — подумала она.

Она попыталась представить, что могло заставить такого большого и сильного крота сидеть здесь, посреди тропинки, и тихо плакать, сжимая в лапах письмо от королевства. Может быть, это задание? Далёкий путь? Опасность? Или что-

то, чего он не мог выполнить?

Елизавета сделала ещё один шаг. Теперь она была совсем рядом. Она могла разглядеть, как шерсть крота чуть подрагивает с каждым тяжёлым вздохом, как его лапа с письмом иногда сжимается сильнее, будто он не решается отпустить его или передать кому-то другому и её сердце сжалось.

Она не знала, что именно происходит, но ясно чувствовала — это важно. Очень важно. И дело не только в письме. Дело в том, что кто-то сейчас нуждается в помощи.

Елизавета наклонилась чуть ближе, стараясь поймать его взгляд. В её глазах не было страха — только мягкое участие и искреннее желание понять. Она чувствовала, как внутри неё рождается тихая решимость. Что бы ни было в этом письме, какой бы путь оно ни требовало — она не сможет просто пройти мимо.

Лес вокруг словно затаил дыхание, ожидая, что будет дальше.

Глава 3

Елизавета сделала ещё один осторожный шаг вперёд. Мох под её ногами мягко пружинил, не издавая ни звука, словно сам лес помогал ей подойти тише. Она остановилась совсем рядом с кротом и на мгновение замерла, собираясь с мыслями. Перед ней сидел огромный хранитель леса — сильный, мудрый... и сейчас совершенно сломленный.

Она чуть наклонилась, пытаясь заглянуть ему в глаза, и тихо, почти шёпотом спросила:

— Почему ты плачешь, большой крот?..

Крот вздрогнул, будто только сейчас заметил, что он не один. Его уши чуть дрогнули, он медленно поднял голову. В его глазах всё ещё блестели слёзы, а дыхание было неровным, прерывистым. Он посмотрел на Елизавету — маленькую, но уверенную — и всхлипнул.

Некоторое время он молчал, словно собирался с силами, а затем тяжело вздохнул и сжал в лапах письмо чуть крепче.

— Почтальон... — начал он, голос его дрогнул. — Почтальон принёс мне это письмо...

Он опустил взгляд на конверт, и золотая печать на мгновение ярко блеснула в мягком свете леса.

— Он сказал, что это поручение... от самого королевства...

Крот сглотнул, и плечи его чуть задрожали.

— Я должен... отнести его далеко... очень далеко... — продолжил он, с трудом подбирая слова. — В страну, где вечно снег и лёд... в королевство Норден...

При этих словах даже воздух вокруг будто стал холоднее. Елизавета почувствовала, как внутри неё пробежал лёгкий холодок, но она не перебила его.

Крот покачал головой и тихо всхлипнул:

— Но чтобы туда добраться... нужно пройти через все биомы...

Он поднял лапу и, будто рисуя в воздухе путь, начал перечислять, глядя куда-то в сторону, словно уже видел этот долгий и страшный маршрут:

— Через Вандклип... через его ямы и камни... где легко сорваться и исчезнуть...

— И даже через Фоеглад... — его голос стал ещё тише, почти шёпотом, — через огненную землю... где дышит сама лава...

Он замолчал. Лес вокруг снова стал абсолютно тихим.

Крот медленно опустил голову, его уши снова безвольно повисли.

— Я боюсь... — признался он наконец, едва слышно. — Я не смогу...

Слеза скатилась по его мордочке и упала на мох.

— Я не дойду... — добавил он, уже почти шёпотом.

Елизавета стояла неподвижно, слушая каждое его слово. Она смотрела на него — большого, сильного, но сейчас та-

кого уязвимого — и чувствовала, как в груди растёт не страх, а что-то другое.

Она перевела взгляд на письмо. Оно всё так же мягко светилося в его лапах, словно знало, что его путь ещё не окончен.

Девочка сделала маленький шаг ближе и опустилась рядом с кротом на колени, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Это правда... далеко, — тихо сказала она, не отводя взгляда от письма, — и путь непростой...

Она подняла глаза на крота, и в её взгляде не было ни сомнения, ни страха — только спокойствие и уверенность.

Лес словно снова начал дышать, очень тихо, почти незаметно.

А между ними — маленькой девочкой и большим кротом — повисла пауза, в которой уже рождалось решение.

Крот медленно опустил лапы, словно силы вдруг покинули его, и осторожно положил перед собой маленький свёрток. Он сделал это бережно, почти с благоговением, будто держал в руках не просто письмо, а нечто куда более важное — что-то, от чего зависело гораздо больше, чем он мог понять.

Свёрток оказался небольшим, но удивительно аккуратным. Тонкая, плотная бумага была ровно сложена, без единой складки или неровности, словно её создавали не руками, а самой магией королевства. По краям она чуть переливалась, будто впитала в себя солнечный свет.

Посередине свёрток был запечатан знаком золотого солнца.

Печать была тяжёлой, глубокой, с чёткими линиями — лучи расходились во все стороны, словно настоящее сияние. Золото не просто блестело — оно словно жило, мягко мерцая при каждом движении воздуха. Казалось, если долго смотреть на этот знак, можно увидеть, как он едва заметно пульсирует, как будто в нём скрыта сила самого королевства.

Письмо было аккуратно перевязано тонкой лентой. Она обвивала свёрток крест-накрест, сходясь прямо под печатью, и выглядела настолько аккуратной, будто её завязывали с особым намерением — не просто закрепить, а защитить содержимое. Лента казалась мягкой, но в то же время прочной, и в её цвете чувствовалось что-то важное — тепло, решимость, может быть, даже обещание.

От свёртка исходил мягкий свет.

Он не был ярким или ослепляющим — наоборот, он был тёплым и спокойным, как свет заката, который касается кожи и не жжёт, а греет. Этот свет едва заметно освещал мох вокруг, заставляя его сиять золотистыми оттенками, и отражался в глазах Елизаветы, придавая им ещё больше глубины и ей показалось, что этот свет живой.

Словно внутри письма что-то дышит. Очень тихо. Почти незаметно. Но достаточно, чтобы это почувствовать.

Елизавета невольно протянула руку чуть ближе, но не коснулась. Она остановилась, чувствуя, что перед ней — не про-

сто предмет, а часть чего-то большего. Чего-то, что уже начало свой путь и ждало того, кто сможет довести его до конца.

Крот тихо всхлипнул рядом, и его взгляд был прикован к свёртку. В этом взгляде было всё — страх, сомнение, и в то же время... надежда.

Будто он сам не решался ни отпустить это письмо, ни удержать его у себя.

Елизавета долго смотрела на свёрток. Тёплый свет, исходящий от него, отражался в её глазах, делая их ещё глубже и спокойнее. Она словно не просто видела письмо — она чувствовала его. Чувствовала его важность, его путь, его ожидание.

Рядом тихо всхлипывал крот. Его тяжёлое дыхание, редкие всхлипы и опущенные плечи будто давили на воздух вокруг. Но Елизавета не отводила взгляда от письма. Внутри неё происходило что-то тихое, но сильное — словно маленькая искра постепенно разгоралась в уверенное пламя.

Прошло несколько мгновений, как вдруг Елизавета мягко улыбнулась.

Эта улыбка была не громкой и не резкой — она была спокойной, тёплой, как рассвет в лесу. В ней не было сомнений.

Елизавета подняла взгляд на крота и сказала тихо, но ясно:

— Не плачь.

Её голос прозвучал мягко, но в нём чувствовалась удивительная уверенность, не свойственная самой Елизаветы.

Она сделала шаг ближе и чуть наклонилась к нему.

— Если нужно доставить письмо... — продолжила она, — я сама отнесу его.

Крот резко поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, словно он не сразу понял, что услышал.

Елизавета говорила спокойно, но с каждым словом её голос становился крепче:

— Я не смелая... но не боюсь.

Она посмотрела на письмо, затем снова на крота.

— Я пройду через все земли, — сказала она, — через зелёные... огненные... и снежные... и передам его туда, куда нужно.

В её словах не было хвастовства. Только простая, чистая решимость.

Крот замер. Его уши чуть приподнялись, а слёзы на мгновение перестали падать. Он смотрел на неё, будто видел перед собой не просто девочку, а нечто большее — нечто неожиданное.

— Но... — начал он, всё ещё растерянно, — дорога опасна...

Он сглотнул и покачал головой, словно пытаясь вернуть её к реальности.

— Там есть Чучоу... — тихо сказал он. — Проклятый лес... Он может запутать, сбить с пути...

Крот на мгновение закрыл глаза, словно вспоминая всё, что слышал.

— Есть пламя Фоеглада... — добавил он, и его голос стал ещё ниже. — Там земля горит... там невозможно дышать...

Он сделал паузу, а затем почти шёпотом произнёс:

— И ледяные твари Нордена...

Лес вокруг снова будто прислушался.

Крот посмотрел на неё, и в его взгляде было не сомнение — страх за неё.

Елизавета спокойно выслушала его. Она не перебивала, не спорила. Просто слушала.

Затем она тихо кивнула.

— Я знаю, — сказала она.

Её голос был мягким, но уверенным.

Она посмотрела вперёд, словно уже видела этот путь — долгий, трудный, полный испытаний.

Потом снова перевела взгляд на крота.

И в её глазах загорелось что-то тёплое.

— Зато у меня доброе сердце, — сказала она.

Она произнесла это просто, без пафоса, как нечто очевидное.

Лёгкий ветер прошёлся по листве, и где-то вдалеке едва слышно звякнула чушка, будто откликнувшись на её слова.

Елизавета чуть улыбнулась.

— А у добра... всегда есть дорога.

И в этот момент лес будто снова начал дышать.

Так началось её великое путешествие.

Елизавета ещё на мгновение задержалась рядом со свёрт-

ком, будто прощаясь с тем спокойным миром, в котором она жила до этого утра. Затем она осторожно взяла письмо в руки. Оно оказалось чуть теплее, чем она ожидала, и мягкий свет, исходящий от него, на мгновение озарил её ладони. Девочка аккуратно прижала его к себе, словно боялась уронить или повредить.

Она расправила свой плащ из мягкой травы — лёгкий, тёплый, почти невесомый — и спрятала письмо под ним, ближе к сердцу. Там оно будто засияло ещё спокойнее, словно нашло своё место.

Елизавета глубоко вдохнула. Воздух леса был знакомым, родным — пах мхом, древесной корой и утренней прохладой. Но теперь в этом дыхании ощущалось что-то новое. Волнение и ожидание. Начало пути и она подняла взгляд вперёд.

Тропа, по которой она столько раз гуляла, теперь казалась другой. Она больше не была просто дорогой среди деревьев — она вела куда-то дальше, за пределы привычного мира, туда, где начинались неизвестные земли и испытания.

Елизавета сделала первый шаг.

Мох мягко принял её ногу, словно прощаясь. Лёгкий ветер коснулся её волос, а где-то в ветвях тихо зазвенели чушки — уже не тревожно, а словно провожая и Елизавета не обернулась.

Шаг за шагом девочка уходила всё дальше по тропе. Свет пробивался сквозь листву, ложился на её плечи золотыми

пятнами, и казалось, будто сам лес освещает ей дорогу.

Позади остался крот.

Он всё так же сидел на месте, но теперь уже не плакал. Его глаза были устремлены вперёд, туда, где фигурка Елизаветы постепенно становилась всё меньше. В его взгляде всё ещё была тревога, но вместе с ней появилась новая, тихая надежда.

Он смотрел, как она проходит мимо древних корней, что светились мягким зелёным светом, как её силуэт растворяется в глубине леса.

И только когда Елизавета исчезла за сияющими корнями старых деревьев, крот медленно опустил голову.

Лес принял её путь и её путешествие началось.

Глава 4

Дорога вела Елизавету к самому краю знакомого мира — туда, где начинался проклятый лес Чучоу. Уже издалека он выглядел иначе, чем остальные земли Вакона. Там, где раньше свет был тёплым и мягким, теперь он становился густым, почти вязким, словно проходил сквозь невидимую завесу.

Когда Елизавета подошла ближе, деревья начали подниматься всё выше и выше, пока их вершины не растворились в плотном зелёном тумане. Казалось, будто небо исчезло — его больше не было видно, словно оно утонуло в листве. Всё пространство над головой стало единым живым сводом, дышащим, шепчущим, наблюдающим.

Елизавета остановилась на мгновение у самой границы.

Здесь лес начинался не резко, а будто мягко затягивал в себя. Тропа, по которой она шла, продолжалась дальше, но уже выглядела иначе — менее чёткой, более зыбкой, как будто могла исчезнуть в любой момент.

Елизавета сделав шаг сразу почувствовала разницу.

Трава под её ногами светилась мягким изумрудным светом. Не ярким, а приглушённым, словно исходящим из самой глубины земли. Этот свет не освещал дорогу полностью, но создавал ощущение, что лес сам ведёт её, подсвечивая нужные шаги.

Воздух здесь был плотнее. В нём чувствовалась влага, за-

пах древней древесины и чего-то ещё — чего-то живого, почти осмысленного и тогда она услышала.

Сначала это был едва уловимый звук. Шорох листвы, лёгкое движение ветвей. Но постепенно этот шум начал складываться во что-то большее. Казалось, будто лес не просто шумит — он шепчет.

Листья тихо переговаривались друг с другом. Корни под землёй едва заметно дрожали, словно передавали сигналы. Даже ветер, проходя сквозь стволы деревьев, звучал не как обычный поток воздуха, а как голос — тихий, многоголосый, почти человеческий.

Многие путники боялись Чучоу, говорили, что он живой. Что он чувствует страх, сомнение, неуверенность — и играет с теми, кто приходит к нему без твёрдого сердца. Он мог менять тропы, уводить вглубь, заставлять блуждать среди одинаковых деревьев, пока человек не терялся окончательно.

Но Елизавета шла, делав шаг за шагом.

Она не ускорялась, но и не останавливалась. Её дыхание было ровным, а взгляд — внимательным. Она не пыталась бороться с лесом и не боялась его, она слушала.

И чем дальше она шла, тем сильнее чувствовала странное ощущение — будто лес замечает её. Не просто окружает... а именно наблюдает, но не враждебно, скорее... с интересом.

В какой-то момент ей даже показалось, что шёпот меняется. Он больше не был тревожным или пугающим. Он ста-

новился мягче, глубже, как будто лес пытался понять её.

Елизавета осторожно провела рукой по стволу одного из деревьев. Кора была тёплой — неожиданно тёплой для такого густого, тенистого места. Она улыбнулась едва заметно.

— Я не боюсь тебя, — тихо прошептала она.

В ответ листья чуть дрогнули, и изумрудный свет под её ногами стал немного ярче.

И тогда она поняла, что лес Чучоу не просто проверяет, он выбирает.

И если сердце путника остаётся чистым и уверенным, он не запутает дорогу, а откроет её.

Елизавета сделала ещё один шаг вперёд — и тропа перед ней словно стала яснее, чуть светлее, будто лес действительно начал показывать путь.

И она пошла дальше, уже не просто через лес, а вместе с ним.

— Прекрасный лес Чучоу... — тихо сказала Елизавета самой себе, подтянув ремешок сумки, в которой лежало письмо. — Держись, сердце... и шаг за шагом.

Её голос прозвучал почти шёпотом, но в этой густой тишине он разошёлся дальше, чем она ожидала. Слова будто не исчезли — они впитались в воздух, в листья, в корни, и на мгновение ей показалось, что лес их услышал.

Она сделала ещё один осторожный шаг и лес зашевелился. Сначала — едва заметно. Лёгкий шелест листвы, как если бы ветер коснулся ветвей. Но ветра не было. Воздух сто-

ял неподвижно, густой и тёплый. Шорох повторился — уже ближе, глубже, будто шёл не снаружи, а отовсюду сразу.

Лес шелестел листьями, но это был не обычный шум.

Звук складывался в нечто большее — в ритм, в дыхание... в голос.

Казалось, будто сам Чучоу говорит:

тихо, мягко и многоголосо.

Лёгкий шёпот обвивал Елизавету со всех сторон, как невидимый туман. Он не давил, не пугал — он проникал, касался мыслей, словно пытался заглянуть внутрь.

«Зачем тебе идти дальше, Елизавета?..»

Голосов было много, и в то же время — ни одного. Они не звучали отдельно, но сливались в единое, живое присутствие.

Елизавета остановилась и её сердце ёкнуло, дыхание на мгновение сбилось. Она медленно огляделась, но вокруг были только деревья — высокие, неподвижные, с густыми кронами, уходящими в зелёный туман.

«Письмо можно оставить...» — продолжал шёпот, мягкий, почти ласковый.

«Мы сами донесём его...»

«Ты устала... зачем тащить всё самой?..»

Слова не звучали в ушах — они словно появлялись прямо внутри головы.

Елизавета на мгновение закрыла глаза.

Внутри неё поднялась волна сомнения — тихая, но ощу-

тимая. Она была уставшей. Путь только начался, но впереди было так много неизвестного. И вдруг — здесь, в этом странном лесу — ей предлагали помощь, такую лёгкую и простую. Без боли и без риска.

Она открыла глаза и твёрдо сказала вслух:

— Я... я должна пройти сама.

Её голос прозвучал не так уверенно, как хотелось, но он был настоящим.

Лес ответил сразу.

«Почему?..»

Звук ветвей стал глубже, почти человеческим. В нём появилась интонация — не угроза, не насмешка... а искреннее любопытство.

Елизавета сжала пальцы.

— Потому что письмо важно, — сказала она, чуть тише.
— Для того, кто ждёт его в конце.

«Оно может само долететь...» — мягко возразил лес.

«Мы знаем путь... мы поможем...»

Трава под её ногами чуть дрогнула. Корни где-то в глубине земли словно передали друг другу этот разговор.

Елизавета опустила взгляд и осторожно вынула свёрток из-под плаща.

Письмо мягко светилось в её руках.

Тёплый свет коснулся её ладоней, и это ощущение вдруг стало якорем — чем-то настоящим, устойчивым среди всей этой странной, живой тишины.

Она сжала свёрток крепче.

— Но если кто-то другой возьмёт его... — её голос дрогнул, — я буду волноваться. Я буду переживать.

Шёпот вокруг неё стал чуть гуще.

«Так ведь не страшно...»

«Идти одному трудно...»

«Почему ты отказываешься от помощи?..»

Слова обвивали её, как мягкие нити. Они не давили — они убеждали, тогда Елизавета сделала шаг вперёд.

Под её ногами корни чуть дрогнули, словно лес почувствовал её движение и удивился.

Она остановилась на мгновение — и сказала, уже чуть громче:

— Я...

Слово застряло в горле, но она продолжила:

— Я отвечаю за письмо сама.

Тишина стала глубже, даже шёпот на мгновение отступил и Елизавета подняла голову. В её глазах больше не было сомнения.

— Я чувствую, что смогу пройти этот путь, — сказала она. — Лучше, чем кто-либо другой.

Листья вокруг тихо зашуршали, не споря, а слушая.

— Я должна пройти, — добавила она. — И только я могу нести его с заботой, которая нужна.

Лес снова зашептал, но теперь иначе — медленнее, глубже.

«Тебе тяжело...»

«Ты устала...»

«И путь длинен...»

Эти слова уже не звучали как соблазн, а скорее — как проверка.

Елизавета опустила глаза, совсем на мгновение.

Она посмотрела на свои руки — маленькие, тонкие, держащие письмо, которое казалось больше и важнее всего, что она когда-либо держала.

Потом она подняла голову и её взгляд изменился, он стал твёрдым.

— Я устала... — сказала она спокойно.

Шёпот затих.

— Но это не значит, что я не справлюсь.

Лес словно замер и даже воздух стал неподвижным.

Затем — едва слышно:

«Но если ты не справишься?..»

Елизавета глубоко вдохнула.

— Я справлюсь, — честно сказала она.

Это признание прозвучало просто, без страха.

— И даже если я устану в сто раз сильнее, настолько, чтобы бросить.

Она сделала ещё один шаг и изумрудный свет под её ногами стал чуть ярче.

— Я пройду этот путь, — продолжила она, — потому что мне важно не только пройти...

Она сжала письмо крепче.

— А не дать ему потеряться.

Шёпот стал почти неслышным.

— Я не могу позволить, чтобы кто-то другой пострадал или заблудился вместо меня.

Теперь её голос звучал ровно, уверенно.

— Это мой путь.

И в этот момент лес замолчал, не резко, а глубоко. Словно принял её ответ.

Листья больше не шептали сомнений, корни перестали дрожать и только мягкий свет под её ногами продолжал вести её вперёд.

Тропа... стала яснее.

Елизавета ясно осознавала: за любой выбор всегда следует цена. И эта цена не может быть переложена на кого-то другого. Ни на обстоятельства, ни на случайных попутчиков, ни на удачу. Только на неё саму.

И поэтому внутри неё не было желания искать оправдания или облегчения. Было спокойное, почти взрослое принятие: если она выбрала идти вперёд, значит, и последствия этого пути — какими бы они ни были — она тоже должна нести сама.

Это не пугало её так, как могло бы раньше.

Наоборот — в этой мысли появлялась странная опора. Будто именно ответственность делала её шаги настоящими, а решение — окончательным и честным.

И она шла дальше, уже не сомневаясь, что назад этот путь для неё не превращается в вариант.

Глава 5

Лес на мгновение умолк. Это произошло не резко, а глубоко — словно всё вокруг одновременно сделало один тихий вдох и задержало его. Шёпот исчез, листья перестали переговариваться, и даже невидимое движение в корнях стихло. Воздух стал плотным, почти неподвижным.

И в этой тишине свет письма вдруг усилился.

Он не вспыхнул резко, а словно разгорелся изнутри — мягко, но заметно ярче. Тёплое сияние разлилось по её ладоням, коснулось пальцев, отразилось в глазах. Этот свет уже не просто существовал — он откликался, будто почувствовал перемену.

Лес прислушался и где-то под ногами корни чуть дрогнули, едва заметно, как если бы земля осторожно сдвинулась. Они не исчезли, не пропали — но медленно расступились, освобождая узкую тропинку. Та самая дорога, которая ещё мгновение назад казалась зыбкой и неуверенной, теперь стала яснее.

Не прямой, но настоящей и только тени вокруг мягко изменились. Они больше не сгущались, не запутывали пространство, а наоборот — отступили, давая место свету. Между ними начали появляться крошечные огоньки. Это были светлячки.

Сначала один, затем ещё несколько. Они не вспыхивали

хаотично, а двигались плавно, почти синхронно, словно чувствовали ритм леса. Их мягкое свечение не ослепляло, но ложилось на тропу тонкими бликами, выделяя каждый шаг.

Они начали танцевать, но не вокруг всего леса — только рядом с ней. Их движение было спокойным, направленным, словно они сопровождали её, не навязываясь, но и не исчезая.

Елизавета сделала шаг и мох под ногой мягко пружинил, но теперь в этом прикосновении не было неопределённости. Она чувствовала опору. Тропа не исчезала — она оставалась, открытая, чуть подсвеченная изумрудным светом и тихими огоньками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.